

А. ПУМАТРСКИЙ

ИДЕИ
ВЪ
МЯСНАХЪ

К-ВО
„ЗАРЯ“

А. Луначарскій.

ИДЕИ ВЪ МАСКАХЪ

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.
Москва.—1912.

Типографія „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ , 3-я Тверск.-Ямская, 34.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманию публики сборникъ содержитъ въ себѣ маленькія фантазіи и пьесы, написанныя въ разное время и не объединенныя какою-либо одной идеей; но авторъ собралъ здѣсь исключительно тѣ свои беллетристическія работы, — частью появлявшіяся уже въ печати, частью еще не опубликованныя, — которыя строго отвѣчаютъ заглавію „Идеи въ маскахъ“. Заглавіе это кажется мнѣ достаточно яснымъ, чтобы не нуждаться ни въ какихъ комментаріяхъ, какъ не нуждаются въ нихъ, надѣюсь, и самыя фантазіи и пьесы.

Большинство фантазій уже появлялись въ печати: „Арфа“, „Лунный свѣтъ“ и „Скрипачъ“ — въ „Русской Мысли“ въ 1902 году; „Философъ, который смѣется“ — въ томъ же году въ газетѣ „Курьеръ“ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими утерянными мною вещами; „Мудрый Чарудатта“ и „Крылья“ — въ журналѣ „Правда“ въ 1904 году; „Флорентійская ночь“ — въ газетѣ „Кіевская Мысль“ въ 1910 году, наконецъ, „Воскресенье“ — тамъ же въ 1911 году.

Пьесы появляются вновь. Изъ нихъ „Гости въ одиночкѣ“ написана въ 1906 году и была нѣсколько разъ публично читана авторомъ въ Петербургѣ. „Юный Леонардо“ написанъ въ 1909 году, остальные пьесы въ 1911 году.

Авторъ.

11/х.

Парижъ.

МУДРЫЙ ЧАРУДАТТА.

Послѣ многоопытной жизни и многократнаго проникновеннаго чтенія Ведъ Чарудатта, досто-почтенный брахманъ, удалился въ пещеру между скаль для углубленія въ себя и въ великое Ни-что, Амтманъ, составляющій все и граничащій съ ничѣмъ.

Подолгу сидѣль Чарудатта, голодный и измо-жденный самобичеваніемъ, во тьмѣ своей пещеры, неподвижный и важный, и Все - Ничто обволаки-вало его, какъ бездонная ночь, весь міръ расплы-вался, все смѣшивалось, и только глухое про-странство держало на своемъ лонѣ маленькую искру, которой имя — душа Чарудатты. Но вотъ и пространство свертывалось въ точку, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ окружности, нѣтъ и центра, гдѣ нѣтъ конца, нѣтъ и начала. Черная точка, — Амтманъ, — совпадала съ свѣтлой точкой, — душой Чарудатты, — и гасила ее въ безразличіи... Послѣ этого уже ничего не существовало... А ручьи бѣжали въ го-рахъ, извивались серебристыми змѣями на лучахъ горячаго солнца, тремя шагами проходящаго рав-нину небесъ; ручьи падали съ шумомъ съ усту-повъ, журчали по камнямъ, они поили горныхъ козочекъ, которыя иногда пугливо подбѣгали къ темной дырѣ между скаль, нюхая воздухъ хоро-шенькими мордочками, и заглядывали въ темноту;

тамъ бѣлѣлась борода безчувственнаго Чарудатты, который осязалъ Амтманъ, Все - Ничто. Козочки не думали, что онѣ ничто, и рѣзво бѣжали дальше со скалы на скалу, Чарудатта же сидѣлъ на мѣстѣ и ничуть не становился мудрѣе.

„Мнѣ странно,—сказалъ себѣ Чарудатта, стоя у порога пещеры и глядя въ скалистую долину, озаренную солнцемъ,—мнѣ странно... Я знаю теперь все, ибо знаю, что и скалы, и небеса, я, солнце, орелъ — все есть амтманъ... Но я ничего не знаю, ибо не знаю, почему именно небеса, солнце, орелъ, почему скалы и я. Почему мѣръ не иной? Куда онѣ идетъ? Или зачѣмъ онѣ сидитъ на мѣстѣ? Почему именно въ такія одежды одѣтъ этотъ Амтманъ и зачѣмъ онѣ такъ пышны? Иногда мнѣ кажется, что я открылъ пеструю коробку и увидѣлъ, что въ ней пусто... И мнѣ загадочно, для чего коробкѣ быть яркой и вообще существовать, если она заключаетъ въ себѣ пустоту? Или Амтманъ самъ по себѣ, а коробка сама по себѣ?.. Тогда, право, коробка интереснѣе пустоты... Вотъ уже пятнадцать разъ лицезрѣлъ я Амтманъ, и, мнѣ кажется, я сильно глупѣю съ каждымъ разомъ, память моя меркнетъ, я словно валюсь въ бездну и что-то кричитъ во мнѣ: „Спасайся, достопочтенный Чарудатта, иначе Амтманъ проглотитъ тебя, ибо онѣ не жизнь, а смерть!“

Чарудатта сказалъ себѣ все это и, замѣтивъ, что онѣ сильно утомленъ, прилегъ прямо на камень подъ лучами горячаго солнца и забылся-было сномъ.

Но кто-то сейчасъ же тронулъ брахмана за пушистую его бороду и сказалъ яснымъ голо-

сомъ: „Вставай, Чарудатта, я хочу что-то показать тебѣ“.

Чарудатта открылъ глаза и поднялъ голову: передъ нимъ стоялъ Ганеза. Ноги его были подобны лунѣ, все тѣло сіяло чѣмъ выше, тѣмъ ярче, лицо же было какъ солнце,—трудно было различить его черты: широкія висящія уши, ярко-бѣлыя, какъ языки чистѣйшаго пламени, клыки, изумрудные глаза и длинный хоботъ великаго бога мудрости. Въ своихъ четырехъ рукахъ Ганеза держалъ ключъ, открывающій двери тайнъ, перо, которое даетъ безсмертіе и плоть безплотному, мгновенному слову, воздушной маскѣ, свѣтозарной мысли, обоюдовогнутое стекло, усиливающее зрѣніе глаза, и лампу, освѣщающую путь во тьмѣ. Въ хоботѣ же Ганеза держалъ какія-то таблицы.

Чарудатта быстро поднялся и поклонился:

— Привѣтъ тебѣ, Ганеза, сынъ Лакшмы,—сказалъ онъ.

— И тебѣ привѣтъ, любезный Чарудатта. Я люблю умныхъ людей. Мнѣ понравилось, что прозрѣлъ ты ничтожество Амтмана. Вамъ даны глаза, уши, пальцы, ноги и языкъ, мыслящая голова, чтобы видѣть, слышать, осязать, обонять, вкушать и обсуждать, но, конечно, когда не дѣлаешь ничего этого, тогда все кажется однимъ или даже ничѣмъ. Это неудивительно, любезный Чарудатта: міръ—не Амтманъ, это—сила, расколота на много силъ и обратившаяся противъ себя отъ вѣка. Демоны и камни, растенія и животныя, люди и боги,—все—сочетаніе силъ, все борется другъ съ другомъ и заключаетъ союзы; это великій танецъ силъ съ превращеніемъ однѣхъ въ другія

Богъ становится камнемъ и камень богомъ... Демонъ дѣлается человѣкомъ, а человѣкъ превращается порою въ демона... Но превращеніе это, не правда ли, не безразлично? Почетно для раджи стать брахманомъ, и стоитъ ли для того преодолѣть труды, но не обратно, Чарудатта, не правъ ли я? И такъ, силы превращаются, — вверху и внизу, — борясь, сочетаясь въ вѣчномъ танцѣ, повсюду... И мудрый, знающій всѣ силы міра и направленіе ихъ, можетъ предвидѣть всѣ столкновенія, побѣды и пораженія, и все будущее ему открыто, ибо оно дано въ настоящемъ, какъ точка пересѣченія двухъ прямыхъ линій дана ихъ направленіемъ. Я дамъ тебѣ ключъ къ составленію таблицъ, перо, чтобы ты записалъ ихъ, я дамъ тебѣ обоюдоогнутое стекло, чтобы ты видѣлъ дальнее и малое какъ близкое и большое, я дамъ тебѣ свѣтъ, и ты просвѣтишься, Чарудатта.

Много, много дней провелъ Чарудатта за составленіемъ таблицъ по даннымъ бога Ганезы.

И когда онѣ были готовы, онъ сталъ провѣрять ихъ.

И вотъ предсказалъ самъ себѣ Чарудатта выпаденіе дождей и засуху, войны раджъ съ ихъ исходомъ, падежъ и приплодъ коровъ, смерть и рожденіе людей, знаменія небесъ и удачу купцовъ, — и все это на одинъ годъ.

И все исполнилось, какъ предсказалъ мудрый Чарудатта.

Тогда составилъ Чарудатта новыя таблицы на слѣдующій годъ и величаво сошелъ съ горъ въ

долины. Торжественно и гордо было на его сердце, ибо оно познало все. И грустно и тоскливо было ему, ибо, идя, онъ думалъ: «Все будетъ такъ, какъ будетъ, и желаніе сердца—пустой обманъ».

Гремятъ огромные барабаны, трубы криками мѣди наполняютъ воздухъ, охаетъ земля подъ бѣгомъ боевыхъ коней, слоновъ и маршемъ безчисленныхъ ногъ. По широкой дорогѣ идетъ войско магараджи Пурушри, сверкая яркостью красокъ. Слоны одѣты въ пурпуръ, а въ крѣпкихъ золоченыхъ башняхъ сидятъ на ихъ спинахъ воинственные раджи въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ бриллиантовыми перьями, въ золотыхъ шлемахъ, осыпанныхъ жемчугомъ, и потрясаютъ длинными легкими копьями, наконечники которыхъ рѣжутъ воздухъ и жаждутъ крови какъ жала. У ногъ слоновъ смуглые воины въ цвѣтныхъ одеждахъ ведутъ на цѣпяхъ рыкающихъ тигровъ, приученныхъ бросаться на врага... Скачетъ на чудныхъ гордыхъ коняхъ молодежь въ шитыхъ золотомъ плащахъ, и солнце смотрится въ клинки ихъ сабель какъ красавица въ зеркало.

И на бѣломъ слонѣ, завѣшанномъ коврами и тончайшими шалями, сверкающей алмазами, въ коронѣ, сотканной какъ-будто изъ лучей луны и солнца, горделиво опираясь на аметистовый жезлъ, движется повелитель этого великолѣпія, этой стремительной силы, самъ магараджа Пурушри, спокойный и увѣренный какъ Индра.

И всталъ передъ нимъ Чарудатта. Въ лохмотьяхъ его одежды нагая грудь покрыта пушистымъ снѣгомъ его почтенной бороды... Лицо его какъ темная бронза отъ лучей, лобъ его, подобный вы-

пуклой башнѣ, увѣнчанъ апылезненнымъ тюрбаномъ, глаза сіяють мудростью и скорбью, и жестомъ болѣе важнымъ, чѣмъ повелительный знакъ царя, Чарудатта остановилъ потокъ воиновъ и сказалъ:

— Злосчастный раджа Пурушри, знай, обманутый, что ты и всѣ твои ляжете грудой бѣлыхъ костей въ ущельѣ Нуръ, ибо тамъ подстережетъ тебя твой врагъ и, кинувшись справа и слѣва, будетъ рубить и рубить... Они будутъ какъ тигры, вы—какъ напуганныя овцы, ваши слоны будутъ ревѣть, поднимая хоботы къ небу, и толтать васъ среди темной ночи... Смерть будетъ клокотать въ ущельѣ, а надъ нимъ не видно будетъ ни одной звѣзды... Ты будешь лежать на днѣ ущелья, слушать замирающей вой и лязгъ боя и тщетно станешь пытаться слабѣющей рукой зажать рану, изъ которой будетъ бить твоя кровь... И черное небо надъ тобою... И помощи нѣтъ... И ты исчезнешь, раджа Пурушри.

— Въ ущельѣ Нуръ, говоришь ты, достопочтенный брахманъ?

— Да, я знаю и минуту, и пядь земли, на которой ты будешь стоять, когда кинжалъ поразитъ тебя.

— Благодарю тебя, мудрый, дарю тебѣ 25 коровъ бѣлыхъ какъ снѣгъ. Я не пойду въ ущелье Нуръ, но изберу другую дорогу. А, коварный Датханада! Я знаю теперь, гдѣ ты подстерегаешь меня: твой замыселъ обрушится на твою же голову.

— Но ты не можешь не идти въ ущелье Нуръ, раджа,—сказалъ брахманъ.

— Почему же, досточтимый?

— Потому что этого нѣтъ въ моихъ таблицахъ.

— Ну, это меня не касается,—отвѣтилъ раджа. И войско повернуло назадъ по мановенію его жезла.

Раджа Пурушри побѣдилъ своихъ враговъ.

Мудрый Чарудатта вернулся въ пещеру и долго провѣрялъ свои таблицы. Однако, онъ не могъ отыскать въ нихъ никакой ошибки. Тогда онъ рѣшилъ еще разъ провѣрить себя и еще разъ отправился въ міръ.

И вотъ онъ проходилъ возлѣ небогатаго дома.

Въ немногихъ шагахъ отъ него, подъ купой пальмъ былъ раскинутъ шатерь: тамъ стояло ложе, и на немъ вытянулся бѣдный больной. Когда-то онъ былъ, навѣрное, красавецъ, но губы его изсохли, кожа обтянула лицо, глаза полупотухли и волосы прилипли къ влажному лбу.

Надъ нимъ склонилась, его ласкала цвѣтущая жена его и покрывала его грудь ароматными волосами, цѣлуя его губы, вѣяла на него опахаломъ и улыбалась и пѣла:

„Недугъ пройдетъ, потому что любовь моя бодрствуетъ: можетъ ли демонъ болѣзни вынести сосѣдство горячей любви? Моя любовь горяча, она сожжетъ ему черныя крылья, и онъ едва улетитъ визжа, какъ побитый щенокъ. Потому что я люблю, люблю тебя, мой повелитель!

„Ты опять встанешь стройный какъ пальма, и тогда ты сильною рукою прижмешь къ груди свою подругу. О, какой поцѣлуй я выпью съ твоихъ

губы! Ты сядешь на коня и поедешь въ гости къ раджѣ, а я, стоя на порогѣ, буду тобой любо-
ся, пока ты не исчезнешь на поворотѣ, но
моя мысль будетъ летѣть, летѣть за тобою, какъ
бѣлая голубка, потому что я люблю, люблю тебя,
мой повелитель!

„Не надо стонать, надо улыбнуться. Я буду
пѣть тебѣ, танцовать передъ тобою, я тихо буду
ударять въ бубень и кружиться, тихо-тихо изги-
баясь и посылая тебѣ поцѣлуи, и ты улыбнешься
и назовешь меня своею милой, потому что лю-
бовь сильнѣе недуга“...

Печальный и гнѣвный стояль Чарудатта у шат-
ра, наконецъ, онъ сказалъ:

— Горе, горе!

— О, Магадева, кто это? Зачѣмъ возвѣщаешь
ты горе, брахманъ?

— Горе надъ тобою женщина.

— Умретъ супругъ мой?—спросила она, зады-
хаясь, и сдѣлала шагъ къ нему. Огонь сверкнулъ
въ ея прелестныхъ глазахъ.

— Нѣтъ, не пройдетъ и луны, какъ онъ будетъ
здоровъ...

— О, тогда нѣтъ горя на свѣтѣ!

— Но не пройдетъ и двухъ лунъ послѣ этого,
какъ ты станешь украдкой цѣловать другого, из-
мѣнница!

— Ты лжешь, брахманъ!—вся вспыхнувъ, крик-
нула красавица, а больной, поднявъ голову, смо-
трѣлъ на высокаго старика.

— Я не лгу, клянусь тебѣ этой [бородой, кля-
нусь небесами, клянусь тебѣ Варуной-всевидцемъ,
что ты измѣнишь своему мужу... Изслѣдуй глубину

твоего сердца. Лишь его болѣзнь распалила снова и нѣжность твою, и твою страсть, а раньше? Не думалось ли тебѣ иногда: ласки моего мужа всегда одинаковы, и не спрашивала ли ты себя при видѣ красавца: какъ-то онъ ласкалъ бы? И не думала ли, что пріятно впервые обнажить свои прелести и впервые давать новыя наслажденія и что этого уже не будетъ съ мужемъ?

— Этого не будетъ, не будетъ, старикъ,—шептала она.

— Это будетъ, и ничто не спасетъ тебя.

— Ты лжешь, ты лжешь, хотя ты и ясновидецъ. Свято чту я мою любовь къ супругу, и, если подлое, глупое сердце самки порождаетъ тѣ низкія думы, о которыхъ говоришь ты, если оно ведетъ меня къ позору измѣны, смотри же, недопеченный мудрецъ, какъ расправляется любовь съ глупымъ сердцемъ, и знай, что не будетъ того, о чемъ ты каркаешь намъ, сѣдой воронъ, не будетъ, не будетъ!..

И она быстрѣе мысли вонзила тонкій ножъ въ свое сердце и упала, обливаясь кровью. Страшно вскрикнувъ выздоравливающей, поднялся и грянулся мертвый на ея трупъ.

Мрачный и смятенный, униженный и разбитый, торопливо шелъ Чарудатта къ пещерѣ уединенія. И страннѣе всего было ему, что гдѣ-то на днѣ сердца пѣла новая пѣсня, тихо, словно трещала цикада.

Долго провѣрялъ таблицы Чарудатта и нигдѣ не отыскалъ ошибки. Тогда онъ громко вскри-